

Ночь сгустилась до предела. Цюй Цзайян плелся следом за Чэн Нанем и Ли Гэнчэнем, всем своим видом изображая телохранителя, у которого напрочь атрофировались любые эмоции.

Чэн Нань же, напротив, фонтанировал энергией — казалось, на ночь глядя в него вкатили сразу три кубика «озверина». Стоило экзаменам закончиться, как он тут же примчался к «Богу учёбы» сверять ответы. И поскольку задания у двух классов различались, Цюй Цзайяну оставалось только стоять в сторонке и хлопать глазами.

На вечерней самоподготовке Чэн Нань не решился беспокоить Бога учёбы, зато едва прозвенел звонок, примчался с заявлением, что просто обязан конвоировать Ли Гэнчэня до общежития.

Цюй Цзайян, глядя в чернильную пустоту ночи, закатил глаза так далеко, что едва не увидел собственный мозг. Он сердито топал сзади, а в голове у него всё еще стоял гул от бесконечных подсчётов баллов, которыми занимался Чэн Нань.

Учитывая, что по четырём предметам этот кадр вряд ли наскрёб больше двухсот, все эти «прикидки» не стоили и выеденного яйца.

Услышав сзади какое-то невнятное ворчание, Чэн Нань на секунду отвлекся от своих калькуляций и обернулся:

— Ты чего, Вторая мама? Я одолжил нашего Бога учёбы всего на десять минут, сейчас верну в целости и сохранности. Не дуйся, будь умницей.

Цюй Цзайян в ответ лишь замахнулся ногой, пытаясь пнуть друга. Сам ты «умница», болван чешуйчатый.

Ли Гэнчэню давно хотелось прояснить происхождение клички «Вторая мама», но интуиция подсказывала, что в такие дебри лучше не соваться.

— Папочка-Бог учёбы... что-то мне беспокойно! — вздохнул Чэн Нань. — Моя жизнь в выпускном классе только началась... Неужели судьба вот так сразу придушит меня и выкинет на помойку?

Он замолчал, лихорадочно что-то прикидывая в уме, а затем посмотрел на Цюй Цзайяна взглядом умирающего, который диктует последнюю волю:

— Вторая мама, если я реально окажусь в мусорном баке, перешли мне мой Switch, который в шкафу заныкан... «Маленькую розочку» можешь не слать, оставь себе, только заботься о ней, слышишь?

Чэн Нань шмыгнул носом и принялся вытирать несуществующие слёзы:

— А ещё мои подшипники Bones... Если папа-Бог учёбы захочет покататься, ты ему дай...

Бам!

— Ай!.. Мне и так хреново, а ты ещё и дерёшься! — взвыл Чэн Нань, когда Цюй Цзайян отвесил ему профилактическую затрещину. Подумать только, в такой критический момент лучший друг вместо поддержки применяет физическую силу!

Вот она, типичная картина: ради «сладкой парочки» забил на старого товарища.

— Чэн Жун, ты можешь хоть на минуту выключить своего внутреннего актёра?

Ли Гэнчэнь с сомнением посмотрел на причитающего Нань-актеришку. Благодаря стараниям этого дуэта другие ученики, возвращавшиеся в общежитие, косились на них так, будто те были одержимы какими-то особенно шумными демонами.

Цюй Цзайян придвинулся ближе к соседу по парте. От бесконечного кривляния Нань-актеришки у него уже ныли зубы.

— Тебе что, премию за лучшую драматическую роль выписать?

Втроём они смотрелись весьма колоритно: двое рослых парней стояли над одним согнувшимся в три погибели страдальцем, и на лицах у них читалась смесь досады и беспомощности, какую испытывают родители при виде закатившего истерику сорванца.

— Вторая мама, ты на меня ещё и орёшь! — «сорванец» прибавил громкости своим завываниям.

Ли Гэнчэнь негромко кашлянул:

— Вообще-то... я полагаю, что по результатам этого проверочного экзамена рейтинг составлять не будут.

— Хнык... че? — Чэн Нань моментально перестал изображать мировую скорбь.

— Учителя просто прощупывают почву, на кой им сдались эти рейтинги! Вали давай, твоему папочке-Богу учёбы пора в душ и спать! — Цюй Цзайян бесцеремонно обхватил «дитя» за шею и потащил в сторону.

Придётся самому разгрести это недоразумение. Чэн Нань еще пытался что-то выяснить, но Цюй Цзайян отвесил ему лёгкий щелчок по лбу:

— Ты хоть соображаешь, что в общежитии отбой по расписанию?! Если он не успеет помыться, я тебя лично в мусорку засуну!

Ли Гэнчэнь открыл было рот, чтобы что-то вставить, но, глядя на удаляющуюся парочку, лишь молча проглотил слова.

— И чего ты так печёшься о том, успеет он в душ или нет? Будто тебя это касается больше, чем его самого! — пропыхтел Чэн Нань, пытаясь выкрутить шею.

— Еще бы не касалось! Я, чёрт возьми, его сосед по парте! — рявкнул Цюй Цзайян. Покончив с актеришкой, он обернулся и увидел, что Ли Гэнчэнь всё еще стоит на прежнем месте.

Называется, «проводили до общаги». В итоге объект охраны сам смотрел им вслед.

— Сосед по парте! — выкрикнул Цюй Цзайян, махнув рукой. Тут же осознав, насколько глупо и по-детски это выглядит, он резко развернулся и прибавил шагу.

Ли Гэнчэнь, стоя в тусклом свете уличного фонаря, наблюдал за дёрганой, путаной походкой своего соседа по парте и не смог сдержать улыбки — на щеке показалась глубокая ямочка.

***

Цюй Цзайян добрался до дома, принял душ и вышел из ванной ровно в одиннадцать вечера. Сегодняшняя самоподготовка стала первым случаем в его школьной биографии, когда он честно отпахал все четыре урока. Конспекты Ли Гэнчэня были написаны настолько доходчиво, что он умудрился во всё вникнуть.

Правда, в качестве побочного эффекта мозги теперь соображали со скрипом.

Вытирая волосы полотенцем, он на автомате уселся за компьютер и словно в трансе запустил его. Очнулся он только тогда, когда на мониторе всплыло окно поиска матча в Overwatch.

—??? — Цюй Цзайян озадаченно посмотрел на собственные руки.

Видимо, у них были свои планы на этот вечер.

«Вход в Храм Анубиса...» — прочитал он. Поразмыслив секунду, Цюй Цзайян решил дать себе волю.

...

Как известно, сетевые баталии — штука чертовски затягивающая.

«Значит... ты опять всю ночь рубился в соревновательном?» — прилетело сообщение от Чэн Наня, когда тот уже ехал в школу.

Цюй Цзайян потер заспанные глаза. Чтобы не опоздать, сегодня ему пришлось раскошелиться на такси. Глядя на экран телефона, он то писал, то стирал ответ, не зная, как оправдаться.

Не говорить же, что он всю ночь просидел в засаде, как кот у мышиной норы?

В режиме «2-2-2» он обычно играет за ДД или саппорта. Из-за тупоголовых союзников он обычно в ярости выходит из игры, потеряв пару сотен очков рейтинга. Но в ту ночь, когда только началась учёба, вражеский Жнец весь вечер обходил его с тыла и вырезал под корень. Тогда Цюй Цзайян слил целых семьсот очков.

Такое унижение стерпеть было невозможно. Он был полон решимости расквитаться с этим Жнецом, но тот, как назло, больше не заходил в сеть.

У ворот школы Цюй Цзайян убрал телефон. Он впервые пришёл так рано. В голове бродила мысль написать Чэн Наню, чтобы тот захватил завтрак, но тут на горизонте возник «Брат-монах».

Брат-монах — директор параллели одиннадцатых классов. Учитывая, что уровень стресса у него находился в обратной зависимости от количества волос на голове, со стороны могло показаться, будто какой-то монах решил вернуться к мирской жизни.

Директор расхаживал по коридорам, заложив руки за спину и сжимая полуметровую стальную линейку. Заметив внизу одинокую фигуру, он перегнулся через перила и гаркнул:

— Чего замер? Быстро в класс и за учебники!

Монах затаился у лестничного пролета, явно поджидая добычу. Цюй Цзайян натянул кепку пониже и, буркнув «Здравствуйте, директор», попытался проскользнуть мимо.

— А ну стоять. Подойди-ка, — окликнул его директор, узнав в нарушителе школьного заправилу.

Цюй Цзайян послушно подошел. Несколько любопытных одноклассников, сидевших у окна, мгновенно прилипли к стеклам: там, где появлялся Ян-шэнь, всегда назревало интересное зрелище.

— Ты чего в кепке? Приболел?

— ??? — услышав этот непривычно мягкий тон, Цюй Цзайян вскинул голову, проверяя, тот ли это вечно суровый Брат-монах. Он что, с утра не те таблетки выпил?

Директор, видя, что парень молчит, ободряюще сжал его плечо и вполголоса добавил:

— Если плохо себя чувствуешь — так и скажи. Я в курсе твоей ситуации, не стесняйся.

— ??? — «В курсе» он чего?

— Директор, я в кепке, потому что вчера голову не помыл. Грязная она.

Благостное выражение лица Брата-монаха мгновенно дало трещину. Он замер с открытым ртом, а его лицо за несколько секунд сменило дюжину оттенков, прежде чем он смог хоть что-то из себя выдать.

Маленький книжный червь, поправив очки, с благоговением прошептал:

— Ян-шэнь реально жёсткий тип.

Остальные согласно закивали.

Усевшись на место, Цюй Цзайян прикинул: если он сейчас рванет за завтраком, то вся его затея с ранним приходом пойдет псу под хвост.

Ли Гэнчэнь обернулся и легонько ткнул его в плечо. Цюй Цзайян поднял на него взгляд:

— Что такое?

Глядя на сияющего свежестью Бога учёбы, он почувствовал, как внутри завывала сирена. Всего одну ночь не виделись, а этот гад умудрился еще больше похорошеть. Да чтоб тебя.

— Будешь? — Ли Гэнчэнь протянул ему шоколадку.

— Если я это съем, стану таким же красавчиком? — спросил Цюй Цзайян, подпирая голову рукой.

Ли Гэнчэнь: «...»

Не дождавшись ответа от Бога учёбы (вопрос-то был со звездочкой), сидевшая перед ними учебная староста Чжао Янь быстро набросала записку Мо Юэ: «Ян-шэнь реально жёсткий».

«И реально странный», — прилетел ответ.

В итоге обе сошлись на общем вердикте: «Мир богов простым смертным не понять».

Видя, что Бог учёбы молчит, Цюй Цзайян со скучающим видом выудил из стопки книг учебник литературы и открыл его, намереваясь что-нибудь вызубрить.

И благополучно проспал всё утро.

Проснувшись от звонка, Цюй Цзайян протер глаза и пихнул соседа локтем:

— Ты чего меня не разбудил? Я всё утро впустую профукал, а ведь утро — самое продуктивное время!

Ли Гэнчэнь отложил томик манги и после короткой паузы ответил:

— Извини. Подумал, что ты ночью не выспался...

Цюй Цзайян хитро прищурился и в очередной раз решил пустить пыль в глаза:

— Да я вчера доздна занимался.

— Вот как? Впереди ещё много времени, не стоит так гнать. Когда организм требует сна, нужно...

Ли Гэнчэнь не успел закончить — Цюй Цзайян уткнулся лицом в стол, содрогаясь от беззвучного смеха и колотя по столешнице кулаком:

— Неужели ты веришь всему, что я плету?..

— Цюй Цзайян! — Вторая матушка Гао, только что вошедшая в класс, застала его в момент этого буйного веселья. Она с лязгом ударила стальной линейкой по дверному косяку: — Выйди вон!

Цюй Цзайян даже не шелохнулся. Стерев с лица ухмылку, он холодно произнес:

— Учитель, право сидеть на уроке и слушать лекцию — это законное право ученика, и вы не можете меня его лишить. Это ведь прописано в «Законе об образовании», верно, сосед по парте?

Вторая матушка Гао опешила и невольно проследила за взглядом Цюй Цзайяна, уставившись на Ли Гэнчэня. Тот спокойно кивнул, подтверждая слова соседа.

Учительница едва не задохнулась от возмущения. Сжав зубы, она проследовала к кафедре:

— Цюй Цзайян, за нарушение дисциплины и срыв урока — объяснительная на пять тысяч иероглифов. Срок — завтра. Выполнять задания учителя и проявлять уважение — это твоя прямая обязанность как ученика.

— Понял, — бросил Цюй Цзайян с таким безразличным видом, будто его главной целью было довести женщину до нервного тика.

***

— Таким образом, интервал значений будет от двух до... — объяснения Второй матушки Гао были прерваны громким, отчетливым урчанием.

Ли Гэнчэнь первым повернул голову к соседу. Цюй Цзайян вскинул руки, демонстрируя полную невиновность:

— Это не я.

Едва он договорил, в тишине снова раздалось раскатистое «бульк-гуррр».

Цюй Цзайян: «...»

Ли Гэнчэнь не выдержал и прыснул. Его смех послужил сигналом — весь класс, ориентируясь на Бога учёбы, взорвался хохотом.

Цюй Цзайяну хотелось провалиться сквозь землю вместе с партой. Он — школьный заправила! Великий Ян-шэнь! Где, чёрт возьми, его авторитет?!

Грёбанный желудок, ты хоть каплю гордости имеешь?! Хоть каплю?!

Ли Гэнчэнь, как верный сосед по парте, пытался сохранить серьезную мину ради престижа товарища, но его плечи, ходившие ходуном, выдавали его с головой.

Цюй Цзайян, сгорая от ярости и стыда, внезапно протянул руку и чувствительно ткнул соседа прямо в ямочку на правой щеке. Его пальцы словно несли в себе электрический разряд — правая сторона лица Ли Гэнчэня мгновенно онемела и залилась краской. Он никак не ожидал от Цюй Цзайяна такой... дерзости.

Цюй Цзайян отдернул руку и, видя ошарашенное лицо соседа по парте, прошипел:

— Будешь смеяться надо мной — еще раз получишь.

— Пришибу, — добавил он для верности, после чего схватил шоколадку, которую ему подсунул Ли Гэнчэнь, и яростно вгрызся в неё. Уши и щеки могут гореть, но лицо заправила должно оставаться каменным. Любой ценой!

Уши могут пылать!

Щеки могут гореть!

Но лицо заправила должно оставаться каменным! Любой ценой!

<http://bllate.org/book/17542/1701535>